

ПОД СЕНЬЮ

Поэма Виктора Слипенчука «Чингис-Хан» –

Стремление к осмыслению собственного исторического прошлого – один из первейших признаков зрелости любой национальной литературы. Подступаясь к тайнам седой древности, писатели нередко опережают даже самые значительные достижения современной им исторической науки, и случается это, надо полагать, в первую очередь из-за наличия в их арсенале действенного и надёжного при умелом использовании инструмента – художественной гипотезы, которую мы порой называем предвидением. Но если прозорливость в отношении будущего уже стала для нас едва ли не мерилем значимости и востребованности творческого наследия того или иного писателя, то вот слова «предугадать прошлое» всё ещё кажутся сущей бессмыслицей, махровым оксюмороном. В самом деле, зачем предугадывать то, что уже давно выявлено и утверждено исследователями как непреложная истина? Резонно, но, если обратиться к примерам, благо что их немало, сами собой напрашиваются вопросы другого плана.

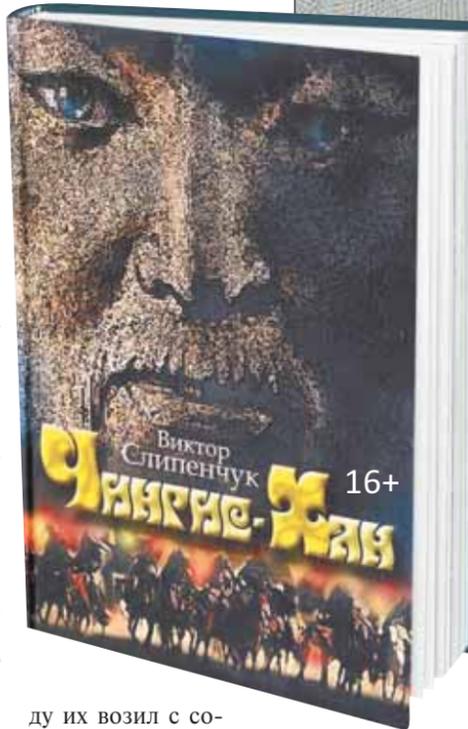
РАЗВЕ не писатель Ильяс Есенберлин своей трилогией «Кочевники» фактически вернул казахскому народу пятивековую историю Великой степи? Разве не писатель Вальтер Скотт так умело реконструировал в своих романах прошлое шотландцев, что много лет спустя его книги ценились исследователями (здесь мы сошлёмся на Фридриха Энгельса) превыше иных многопудовых монографий? Разве не писатель Вячеслав Шишков раскрыл личность и деяния вождя крестьянской вольницы Емельяна Пугачёва так, как не удавалось это сделать никому из профессиональных историков? И всюду мы наблюдаем силу той самой художественной гипотезы, о которой писалось выше. С её помощью писателям удавалось разложить каждый исторический факт на мелкие составляющие, распутать таящийся в нём клубок противоречий, чтобы затем снова собрать воедино, прошив прочными нитями общей идеи. И так – шаг за шагом, от распада к синтезу, через деконструкцию к реконструкции – приближались писатели в своих творческих поисках к тому главному и сокровенному, что прочно связывает «предания старины глубокой» с бурной, меняющейся на наших глазах современностью. Это главное – образ человека как начала и бесконечности истории.

Поэма «Чингис-Хан», написанная известным поэтом и прозаиком, драматургом и публицистом, признанным классиком современной русской литературы Виктором Слипенчуком, занимает особое место в числе произведений о легендарной личности Сотрясателя Вселенной. И занимает его потому, что, быть может, впервые за всю историю многоязычной литературы народов мира главный герой полноценно изображён в ней именно как личность с устойчивыми и ярко выраженными чертами, неповторимой индивидуальной судьбой, через которую раскрывается судьба целой эпохи, а также своеобразностью внешнего и внутреннего облика. Но обо всём по порядку.

«Свою смелость объясняю службой в армии...»

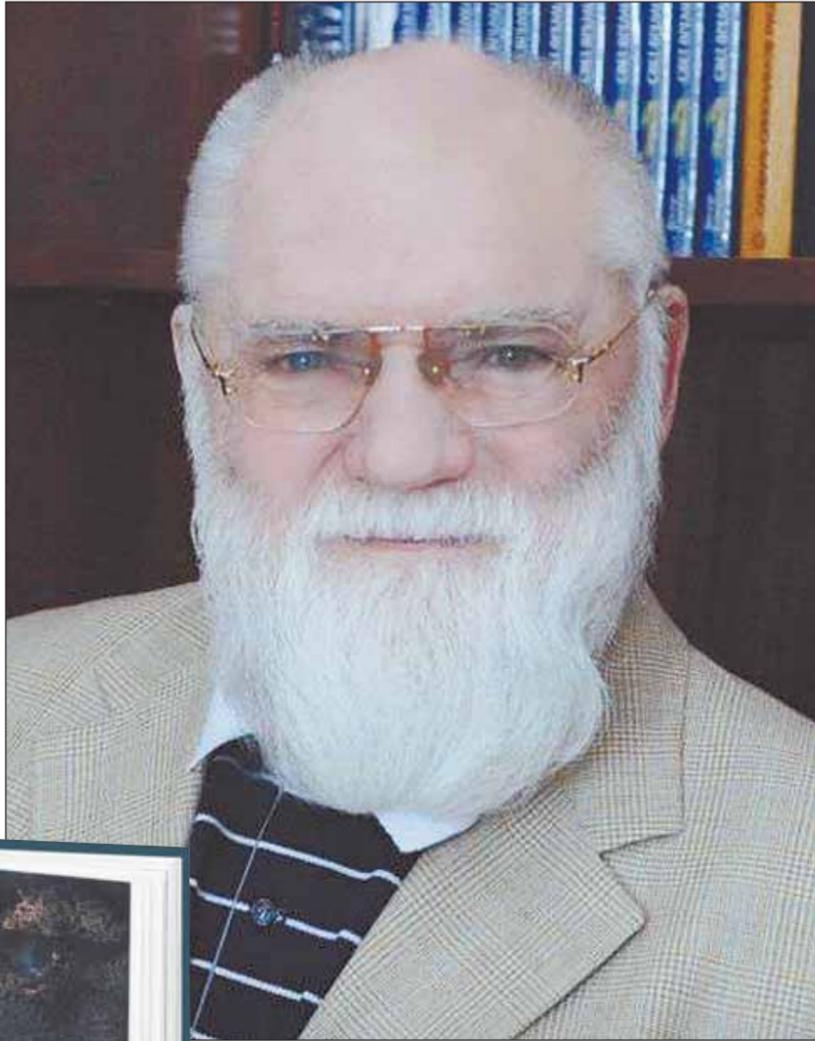
Творческая история поэмы берёт своё начало в 1964 году, когда Виктор Слипенчук, уроженец дальневосточного села Черниговка, окончил Омский сельскохозяйственный институт и был призван в ряды Советской армии. Волею начальства местом службы вчерашнего студента была определена секретная воинская часть 43064, что размещалась в белорусских Печках и предназначалась для испытаний новейшей бронетанковой техники. Здесь и родился у молодого солдата грандиозный по своему историко-философскому размаху замысел поэмы, сложились её первые строки, стал яснее вырисовываться эпический образ главного героя во всём масштабе его величия и трагедии.

Сам поэт говорит об этом так: «Поэму «Чингис-Хан» я написал в армии, в 1964 году, в учебке, в сверхсекретном бронетанковом батальоне, в/ч 43064, а проиллюстрировал её мой однополчанин, художник 4-й роты Петя Кириллов. Его иллюстрации мне очень понравились, и я всю-

ду их возил с собой, вывешивал на стенах в квартире в Рубцовске и Барнауле. Я думал, Петя станет художником, но он стал полковником. При переездах, довольно частых, линогравюры и поэму сунул непонятно куда и считал утерянными. И вот спустя 47 лет (впервые поэма была опубликована на страницах газеты «Аргументы недели» в декабре 2011 года. – Прим. авт.) неожиданно наткнулся на них. Поэму поправил (что мог поправить) и решил опубликовать. Видит Бог, что сегодня за эту тему не взялся бы ни за что. Свою смелость тех лет объясняю службой в армии».

Не странно ли: воин-танкист – и вдруг поэма о Чингисхане? Впрочем, подобные вопросы на всём протяжении творческого пути Виктора Слипенчука звучали не раз, став чем-то вроде верстовых столбов, отмечающих расстояния между его произведениями. Ведь и входил-то поэт в литературу под раздражёнными возгласы «Не понимаю!», на которые не скупился ни собратья по перу, считавшие молодого парня отъявленным хулиганом, ни дотошные рецензенты, усматривавшие в смелом гражданском слогге его стихов крамольные нападки на устой государства. По этой причине отнюдь не обосновательными кажутся его опасения насчёт невозможности опубликовать поэ-

его сущностных сил, в моменты мучительно-тягостных раздумий о бренности бытия и будущем мира, о друзьях и врагах, о победах и поражениях, об идеалах и их крушении, о жизни, смерти и посмертной славе. Бережно нанося каждый штрих этого величественного портрета, Виктор Слипенчук остаётся верен утверждаемому им принципу «человека в человеке», который служит поэту своеобразной призмой гуманистического познания мира. И здесь под словом «мир» можно и нужно понимать в первую очередь человеческую душу – это безбрежное пространство клокоющих противоречий, пребывающее в вечном непокое.

Как известно, первым духовный мир Сотрясателя Вселенной постарался изобразить писатель Василий Ян, справедливо считавший, что Чингисхан-человек в отличие от Чингисхана-правителя в литературе так и не показан. Увы, при всей своей значимости созданный писателем образ не смог полностью освободиться от схематичности и должным образом раскрыть драматическую многосложность личностных качеств героя. Вместе с тем влияние трилогии Яна на сюжет и композиционное построение поэмы «Чингис-Хан» весьма ощутимо. То соглашаясь, то полемизируя с романистом, Виктор Слипенчук наполняет своё самобытное произведение живительными токами литературных традиций, которые, по известному выражению Татьяны Глушковой, являются «совестью поэзии».

Повествование – то стремительное, как сама река истории, то подчёркнуто размеренное, даже неспешное, при небольшом в общем-то объёме поэмы (182 строфы) – охватывает сразу несколько масштабных исторических событий: осаду Бухары, покорение Хорезма и поход на Тунгусское царство – последний в жизни Чингисхана. О чём бы ни писал Слипенчук, какие бы картины ни разворачивал он перед читателем, везде чувствуются особая динамика создаваемого им поэтического мира, внутренняя непримиримость к статичности, демократизм, полновесность и многозвучность художественного языка. Это ощущается в самых первых строках поэмы:

*Всё тяжелее быть вождём,
Всё тяжелее бремя власти...*

Чего в них больше: глубинного личностного конфликта или же онтологических проблем политического лидерства? Согласитесь, такая постановка вопроса подспудно подразумевает противопоставление, а оно здесь едва ли будет уместно, ведь, обращаясь к фигуре Чингисхана, нельзя не затронуть в той или иной форме аспектов его государственной деятельности – без них многие внутриличностные коллизии просто теряют смысл, лишаются своей объёмности и трагедийной сущности. Вообще вся ткань поэмы Виктора Слипенчука соткана из череды перемежающихся друг друга категоричных взаимообращений и переходов. Природный пейзаж, например, в полной мере раскрывается через пейзаж психологический, и наоборот:

му «Чингис-Хан» сразу же после её написания. Уж больно не ко времени она бы пришла, да и переменчивых вкусов ревностных блюстителей литературного порядка точно бы не удовлетворила. Как признался сам Виктор Трифонович в нашей беседе, состоявшейся на полях выставки Astana Eurasian Book Fair 2025, образ Чингисхана ему бесконечно дорог, и чувствуется это, надо сказать, в каждой строке, в каждом слове поэмы. Но то, что сегодня привлекает наш взгляд своеобразностью трактовок, смелостью проникновения в историческую материю, художественной полнокровностью и тонким психологизмом, на закате хрущёвской оттепели могло вызвать в адрес поэта новый шквал необоснованных упреков.

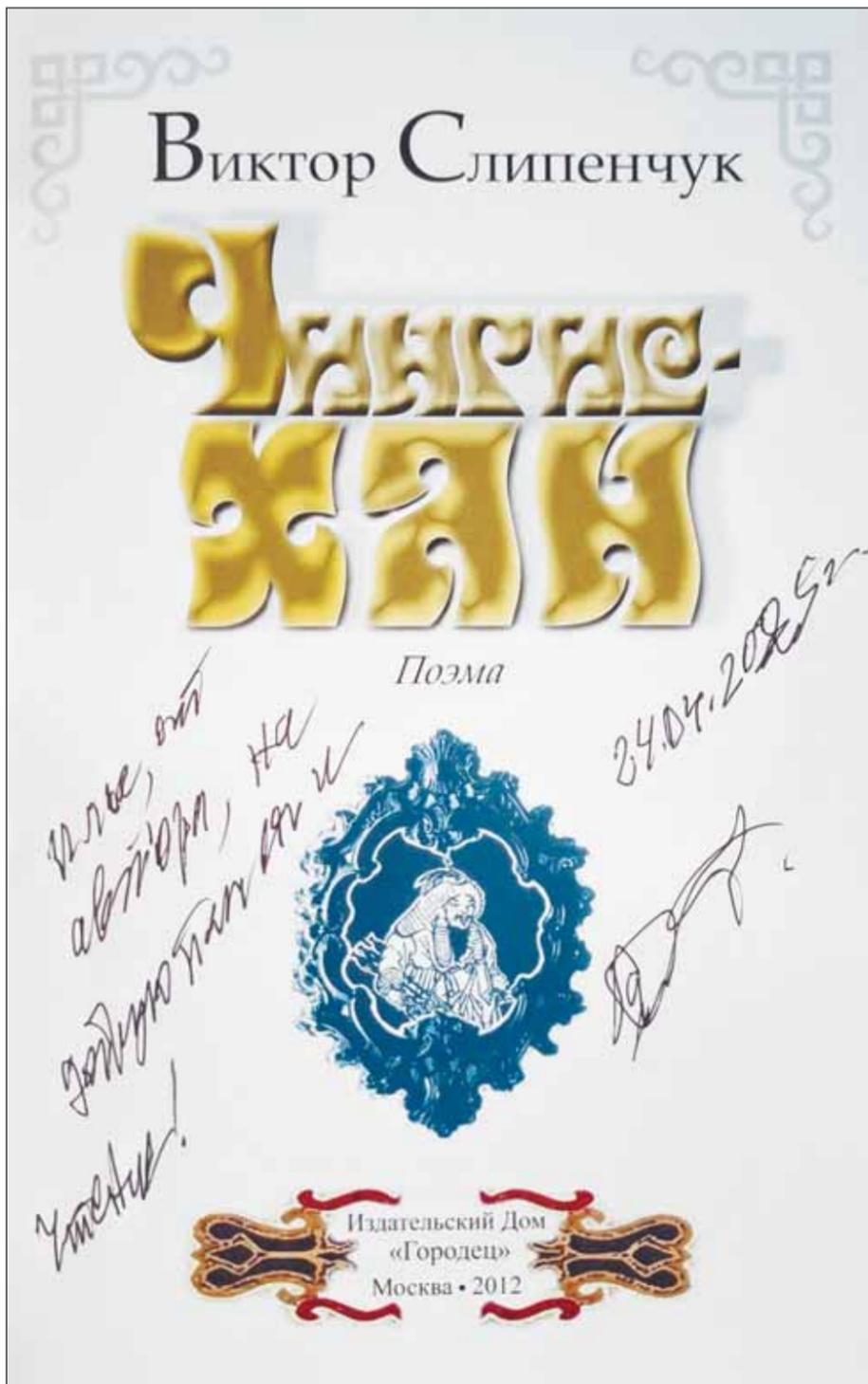
Конечно, общественно-политическая обстановка была далеко не единственной причиной того, что «Чингис-Хан» пришёл к читателям с почти полувековой задержкой. Быть может, если бы автор долгое время не считал своё произведение безвозвратно утерянным, наше знакомство с ним состоялось бы гораздо раньше. Но всё случилось так, как случилось, и сегодня поэма Виктора Слипенчука приобрела всеобщее признание – она переведена на несколько языков, по ней поставлен радиоспектакль (композитором к нему выступил Талгат Хасенов) и снят фильм, который в мае этого года получил награду престижного фестиваля AI Film Awards в номинации «Лучший сверхдлинный фильм с использованием искусственного интеллекта».

«Нужен герой – народу, а герою – народ...»

Центром поэмы, открывающим, разворачивающим и в конце концов замыкающим на себе всё повествование, является, без сомнения, экзистенциальный портрет Чингисхана, который дан автором на широком, подвижном и пластичном фоне исторической эпохи. Читатель застаёт легендарного правителя в период наиболее ожесточённого противостоя-

ВЕЧНО СИНЕГО НЕБА

грандиозная эпопея о жизни легендарного правителя

Каган рванулся, среди юрт
Шарахнулся бараний гурт.
Заржали кони, и в тревоге
В зрачках умножилась луна —
Костры взметнулись над дорогой,
И пробудилась тишина.

Так и разговор, который Чингисхан ведёт с видящимися ему духами политических противников — гурхана Джамухи и шамана Кокэчу, оказывается эхом гремящей в душе Сотрясателя Вселенной борьбы с самим собой. Борьба эта строится вокруг извечного вопроса о том, может ли цель оправдать средства, которыми будет достигнута. «Раздумья Чингисхана о собственном величии, — считает историк **Доржи Цыбикдоржиев**, — поднимаясь волной, неизменно разбиваются то о рифы осознания своей прямой зависимости от армии и народа, то о рифы бренности земной жизни, с её болезнями и тщетным желанием бессмертия». В чём же заключается та цель, достижения которой так отчаянно жаждал легендарный правитель? Поэт формулирует её следующим образом:

Мир и единое царство,
В котором в основе основ
Всемирное господство
Его и его сынов.
Всемирное царство — это
Возможность жить без войны.

Народы и вся планета —
Насельцы одной страны.

Во имя этой цели огромное множество дней проведено в военных походах, требовавших стоического самоотречения («Кочевники — не китайцы, Приемлют сырую пищу»). Во имя этой цели брались приступом богатые города и проливалась кровь, каждая капля которой, падая на землю, отзывалась в сознании «вождей» горечью безрадостных мыслей:

И мысли скользкие, как змеи,
Вдруг обжигали, словно плоть:
«Всё, чем сегодня я владею,
Преподнесла на блюде смерть...»

Кульминацией поэмы является встреча Чингисхана с **даосским монахом Чан-чунем**, к учению которого, как сообщают нам исторические источники, создатель могущественнейшей из империй проявлял интерес в последние годы своей жизни. Секрет бессмертия — вот что влечёт правителя к китайскому мудрецу, прибывшему в его ставку «на девяти журавлях». Зачем Чингисхан доискивается вечной жизни? Ответ кажется предельно очевидным: **ради безграничной власти над миром.**

Но Виктор Слипенчук во всём своём творчестве был и остаётся противником очевидных, назойливо напрашивающих-

ВНИМАНИЕ — ПРЕМЬЕРА!

Первый полнометражный исторический комикс, созданный искусственным интеллектом по поэме Виктора Слипенчука «Чингис-Хан», выходит в широкий прокат 26 июня 2025 года в 129 кинотеатрах России.

ГРАНДИОЗНЫЕ баталии, политические интриги, традиции кочевого уклада предстают на экране яркими художественными образами, умело созданными с использованием новейших технологий. О роли личности в истории впервые расскажут не языком школьных сочинений, а языком инноваций. Картина уже завоевала призы фестивалей AI Film Awards 2025 Cannes и Neuro Masters 2025.

Режиссёр и продюсер фильма — Кирилл Калашников. В производстве при-

нимали участие студии «Зефир-Нейро» и «Новое время». Генеральный продюсер проекта — исследователь, общественный деятель и предприниматель Михаил Слипенчук, сын автора литературной основы. Композитор — Григорий Турин.

Информация о фильме «Чингис-Хан»:
Исторический, комикс, нейромикс,
61 минута, Россия, 2025, 12+
Дистрибьютор в России: Ray of Sun Pictures.

ся ответов. Поэтому он вновь погружает читателя в эпицентр борьбы, бушующей в душе кагана. Поэт показывает своего героя таким, каким прежде — в силу сохранявшейся тенденции представлять Чингисхана в образе некоей персонификации абсолютного зла, «агрессора» и «разрушителя» — его ещё никто не изображал. Посланник Мэнке-Кекке-Тенгри (Вечно Синего Неба), вступивший в схватку с самим собой, мечтает постичь «истинную высшую мудрость», которая позволит утвердить на земле идеалы всемирного содружества, избавить человечество от войн, дать каждому представителю рода людского возможность всецело посвятить себя духовному совершенствованию. Но духи поверженных противников всё не умолкают, множа в груди острые боли...

Кем же выходит Чингисхан из схватки: победителем или побеждённым? В плоскости этих категорий нам при всём желании не отыскать правильного ответа. Ведь главный итог жестокой борьбы — это воцелочение главного героя, в котором кроется искомое им «лекарство для спасения души». Через страдания и моральную усталость, через разочарование и крушение многих идеалов, прежде казавшихся неизбежными, через тяжесть заблуждений и трагических ошибок он видит перед собой путь просветления. Именно таким открывается Чингисхан даосскому монаху:

Видел Чан-чунь не хана —
Из-под тяжёлых век
Глядел на него заблудший,
Издёрванный человек.
Сидел перед ним старик,
Обманутый тщеславием.
Но был он во всём велик —
Даже в своём бесславии.

Наиболее сильными в эмоциональном плане являются три финальные главы поэмы, рассказывающие нам о событиях «последней ночи царствования кагана». Душа могущественного правителя наконец находит умиротворение — и усмиряются порождённые ею образы врагов. Последний

разговор Чингисхана с некогда враждебными духами носит ярко выраженный исповедальный характер, ведь именно им доверяет он свою предсмертную волю, свою трагедию и славу:

О, если бы мог я, духи,
Вновь бы жизнь повторил!
И побратима Джамуху,
Дважды анду, простил.
От жизни я брал немного...
Потомок богатейей!
Но много брала дорога,
Дорога Царя-Царей.

Потомки будут смотреть на Чингисхана прежде всего как на человека, и в их памяти обретёт он подлинное бессмертие — такая художественная гипотеза Виктора Слипенчука. Сегодня всё предугаданное поэтом стало объективной реальностью. Неуклонно растёт общественный интерес к эпохе Чингисхана, личность которого мы всё полнее и полнее раскрываем в переплетении драматических конфликтов. И хотя в распоряжении современных читателей информации о том времени имеется намного больше, чем 50 лет назад, поэма «Чингис-Хан» ничуть не утратила своей исторической значимости, сверкая неподдельным блеском яркого художественного открытия.

Завершая, хочется вспомнить, как жадно вслушивались астанинские школьники в спокойный, глубокий голос поэта, когда он читал отрывки из своего произведения. Перед их взглядом расстилались бескрайние степи, по которым шли войска Чингисхана, и слава тех далёких лет вставала во всём своём величии. Сближая историю с современностью, Виктор Слипенчук следует «святому делу сохранения и защиты кочевой цивилизации», за что по праву окружён любовью и признанием читателей.

Илья ПАЩЕНКО,
корреспондент отдела культуры
«Казахстанской правды»

Официальный сайт писателя
www.slipenchuk.ru